





ИЗАБЕЛЬ КАНЬЯС

АСЬЕНДА



INSPIRIA

Москва
2023



УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К19

Isabel Cañas
THE HACIENDA

Copyright © 2022 by Isabel Cañas
All rights reserved including the right of reproduction
in whole or in part in any form.
This edition published by arrangement with Berkley, an imprint of Penguin
Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Перевод с английского *Елизаветы Радчук*

Каньяс, Изабель.

К19 Асьенда / Изабель Каньяс ; [перевод с английского
Е. Ю. Радчук]. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с.

ISBN 978-5-04-172826-7

Как быть юной Беатрис, когда ее отец убит, их дом сожжён, а им с матерью приходится прислуживать знатным родственникам? Все меняет предложение богатого землевладельца Родольфо Солорсано. И не важно, что смерть его первой жены выглядит подозрительно. Беатрис нужен собственный дом.

Но поместье — асьенда Сан-Исидро — оказалось вовсе не тем убежищем, которого искала девушка. С отъездом мужа каждую ночь ее одолевают жуткие и слишком похожие на реальность кошмары. Хуана, сестра Родольфо, смеется над страхами Беатрис. Но почему тогда она сама отказывается входить в дом с наступлением ночи? И что на самом деле случилось с первой доньей Солорсано?

Беатрис обращается за помощью к падре Андресу. Молодой священник, скрывающий от всех свою истинную натуру ведуна, испытывает к девушке непреодолимое влечение. Он должен защитить ее и очистить асьенду от тьмы. Если они проиграют, его ждет огонь Инквизиции, а ее — вечное заточение в стенах этого дома...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Радчук Е.Ю., перевод на русский язык,
2023

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-172826-7

*Посвящается маме,
которая первой дала мне
свободу писать.*

*И мужу, благодаря которому
у меня есть смелость продолжать
это дело.*



1

Андрес

АСЬЕНДА САН-ИСИДРО
НОВАБРЬ 1823

Тонкая полоса южного горизонта казалась идеальной линией — незапятнанной даже кляксами лошадей, стоящих вдаль и вскидывающих головы. Дорога зияла пустотой.

Экипаж уехал.

Я стоял спиной к воротам асьенды¹ Сан-Исидро. Высокие оштукатуренные стены белого цвета возвышались надо мной, словно кости давно почившего зверя, торчащие из темной, растрескавшейся земли. Где-то там за стенами, за домом и за свежеврытыми могилами позади капеллы, тлачикеро² несли мачете на поля колючей агавы. Скитаясь мальчишкой по этим полям, я узнал, что плоть агавы не поддается так же, как человеческая; тлачикеро поднимают мачете и обрушивают их раз за разом, и с каждым тупым ударом, нацеленным на добычу сладкого сока из сердцевины, они все лучше понимают, каково это — ощущать податливую

¹ Асьенда — крупное частное поместье, которое обычно представляло собой скотоводческую ферму или небольшую мануфактуру с батраками. (Здесь и далее — прим. перев.)

² Тлачикеро — человек, занимающийся приготовлением национального напитка пульке.

мякоть под металлом и каково это — пронзать сердцевины.

С мрачных холмов в долину пробрался легкий ветер; его сухая прохлада жалила мне щеки и увлажнившиеся глаза. Пришла пора возвращаться. Возвращаться к прежней жизни. Но от одной мысли, что придется обернуться и в одиночестве созерцать тяжелые деревянные двери Сан-Исидро, мои ладони стали липкими от пота.

Однажды я, сжав челюсть, переступил порог Сан-Исидро, и тому была причина. Причина, по которой я вошел в эти ворота, словно безрассудный юноша из легенд о путешествиях в подземелья.

Теперь этой причины не стало.

И все же я стоял посреди грунтовой дороги, ведущей прочь от Сан-Исидро, прочь от Апана, устремив взгляд на горизонт с одержимостью грешника, вставшего перед святым. Будто лишь силы моей скорби было достаточно, чтобы противостоять Божьей воле и вернуть экипаж. Вернуть женщину, которую у меня отняли. Эхо удаляющихся копыт и облака пыли, что они оставили за собой, вились в воздухе подобно зажженному копалу, насмехаясь надо мной.

Говорят, земная жизнь пуста без любви Господней. Что послушание утоляет боль от ран одиночества, ибо в служении Богу мы обретаем истинную любовь и целостность.

Но если Бог — это Отец, Сын и Святой Дух, если Он и есть Троица, то Бог ничего не знает об одиночестве.

Бог ничего не знает о сером утре, которое занимается у тебя за спиной, и коленях, что оказываются на пыльной дороге. О ссутулившихся плечах, на которые опускается тяжесть понимания, что можно быть не одиноким, и острого ощущения пустоты в груди.

Бог ничего не знает об одиночестве, потому что Бог не познал дружбы, как смертные: прижавшиеся друг к другу в темноте, кромешной и колючей, будто кто-то сдирает с костей кожу, доверяющие друг другу — даже когда Дьявол дышит им в затылок.

Острые камешки впивались мне в колени сквозь потертые брюки; я был слишком измучен, чтобы плакать, дыхание стало тяжелым.

Я знал, что чувствует агава. Я слышал свист мачете. Я ощущал, как грудь поддается тяжести удара. Я ведал, как мое сердце, мою сердцевину, пронзают, и сладкий мед агавы прокладывает влажные извилистые дорожки по впалой груди. А раны мои, стигматы грешника, дрожат и гноятся на солнце.

Бог ничего не знает об одиночестве.

Одиночество — это стоять на коленях в пыли, глядя на пустой горизонт.

В конце концов, не чернильные тени и не эхо многоголосого смеха Сан-Исидро сломили меня. И не страх вспарывал грудь.

Дело в том, что я потерял *ее*.

2

Беатрис

СЕНТЯБРЬ 1823

ДВУМЯ МЕСЯЦАМИ РАНЕЕ

Родольфо распахнул дверцу экипажа, и та скрипнула. Я заморгала, привыкая к свету, разлившемуся по юбкам и лицу, и как можно грациознее взялась за протянутую руку Родольфо. После нескольких часов заточения в экипаже и поездки по неровным проселочным дорогам мне хотелось выбраться из этой душной коробки

и вдохнуть свежего воздуха полной грудью, но я сдержалась. Мне была уготована роль чуткой и покладистой жены. Благодаря ей я унеслась прочь от столицы, подальше от мучений в доме дяди — в долину Апан.

Благодаря ей я оказалась перед высокой дверью из темного дерева, глубоко врезанной в оштукатуренные белые стены. Благодаря ей я сейчас щурилась от ослепительного марева лазурного сентябрьского неба, а широкие плечи и уверенные руки дона Родольфо Элихио Солорсано были рядом. В солнечном свете его волнистые волосы отливали бронзой, а глаза были почти такими же ясными, как небо.

— Вот и Сан-Исидро, — сказал он.

Асьенда Сан-Исидро. Я окинула взглядом тяжелую дверь, ее кованую отделку, высокие темные кольца на заборе и увядающую бугенвиллею, которая обвивала его, — соцветия и шипы, казалось, потеряли цвет и теперь погибали.

Я выросла среди пышных зеленых садов асьенды в Куэрनावаке и ожидала совсем другого, тем не менее таковой была моя победа. Мое спасение.

Асьенда была моей.

* * *

В нашу первую встречу с Родольфо, на балу в честь провозглашения Мексики республикой, он поделился, что его семья около двухсот лет владеет асьендой, где производится пульке¹.

Вот оно что, подумала я, наблюдая за тем, как граженные черты его гладко выбритого лица играют с тенью

¹ Пульке — мексиканский слабоалкогольный напиток, который производится из сока агавы.

ми свечей в бальной зале. *Вот как ваша семья сохранила деньги во время войны. У промышленности будут взлеты и падения, мужчины будут выжигать земли и убивать друг друга за императоров или республики, но страсть к выпивке никуда не денется.*

Мы станцевали еще один круг, а за ним — еще. Родольфо наблюдал за мной с пронизательностью, которая, как я тогда поняла, была для него бесценным оружием.

— Расскажите мне об асьенде, — попросила я.

Это большое имение, ответил он, раскинувшееся на невысоких холмах к северу от Апана, откуда открывается вид на поля остроконечной агавы. Целые поколения его семьи жили там до войны за независимость¹, выращивали агаву и делали пультке — кислую брагу, которую потом отправляли на измученные жаждой столичные рынки. По его словам, их сады полны райских птиц и ласточек, парящих в воздухе, там есть большие шумные кухни для всех тлачикеро, слуг и членов семьи. Они справляют праздники в местной капелле — часовне, убранство которой составляют иконы и алтарь. В семнадцатом веке один из предков Родольфо вырезал этот алтарь, а последующие, более богатые, поколения позолотили его.

— Вы по ней скучаете? — спросила я.

Он не ответил; по крайней мере, прямо. Вместо этого он описал, как в долине Апан садится солнце: сначала насыщенный золотой цвет переходит в глубокий янтарный, а затем ночь резко и уверенно накрывает светило, будто задувает свечу. Темнота в долине

¹ Мексиканская война за независимость — вооруженный конфликт между народом Мексики и испанскими колониальными властями, продлившийся 11 лет — с 16 сентября 1810 по 27 сентября 1821 года.

густая и едва ли не осязаемая, и когда гроза крадучись спускается с холмов, молнии ртутью разливаются по полям агавы и серебрят острые листья растений, как шлемы конкистадоров.

Она станет моей, решила я тогда. То был проблеск интуиции, подхватившей меня в танце вместе с сильной и надежной рукой возлюбленного.

И асьенда стала моей.

Впервые с марта мне принадлежал весь дом.

Так почему же я не ощутила безопасности, когда громоздкие двери Сан-Исидро распахнулись перед нами и мы с Родольфо вошли во двор имения?

Едва заметная дрожь, словно порхание крыльев монарха, защекотала горло, когда я стала осматривать асьенду.

Постройки были прочные и нескладные, похожие на неуклюже расставленные конечности зверька, который никогда не вырастет. Сезон дождей подходил к концу, и в сентябре саду полагалось переливаться оттенками изумрудного, но скудная растительность во дворе была цвета земли. Дикая агава, больше похожая на сорняк и чахнувшая по обеим сторонам посеревшей капеллы — которая наверняка когда-то была белой, — усеивала всю лужайку перед домом. Угасающие райские птицы гнездились по разбросанным клумбам, а их покорные головы склонялись перед нашими шагами, шуршащими по гравийной дорожке. Воздух внутри Сан-Исидро был тяжелее и плотнее, будто я очутилась в странном, беззвучном видении, где штукатурка поглощала даже пение птиц.

Обойдя капеллу, мы прошли во внутренний двор. Родольфо жестом указал на два ряда слуг, выстроившихся перед своими жилищами и кухней в ожидании хозяев. Не успели они опустить головы, как десятки

черных сияющих глаз окинули меня холодными оценивающими взглядами.

Объяснив, что тлачикеро не вернутся с полей до заката, Родольфо представил мне слуг. Хосе Мендоса, некогда правая рука рабочего Эстебана Вильялобоса, который уже покинул службу, более десяти лет был учетчиком и отвечал за имение, пока Родольфо находился в столице. Мендоса снял и приложил к груди выцветшую шляпу, — его руки были в узлах от старости и труда; по возрасту он годился мне в дедушки.

Домоправительница Ана Луиза была женщиной лет пятидесяти. Ее стальные волосы были разделены пробором по центру, а косы туго оплетали голову, образуя внушительную корону. Рядом стояла ее дочь Палома, один в один мать, но с иссиня-черными волосами и круглым лицом. Остальные имена влетали мне в ухо и тут же вылетали; я слышала их, но ни одного не запомнила, так как моим вниманием завладела фигура в арочном проеме, ведущем во двор для слуг.

К нам подошла женщина — высокая, точно солдат, и с такой же развязной походкой. На ней была блеклая синяя юбка, обнажающая кожаные ботинки для езды в пятнах от пота; со шнурка вокруг шеи на спину свисала широкополая шляпа, которую, судя по цвету лица, обладательница носила не часто. Из-за долгого пребывания на солнце ее кожа стала бронзовой, а волосы — золотистыми.

Не стой под солнцем, иначе у тебя никогда не будет мужа, ехидно прошептала мне как-то тетя Фернанда, больно ущипнув за руку. Несмотря на то что она никогда не встречалась с моим отцом, а мать не рассказывала о его происхождении, тетю Фернанду это не заботило: цвета моих волос и лица ей было достаточно, чтобы признать меня нежеланной. Чтобы не позволить

стоять рядом с ее молочно-бледными дочерьми на балу, где я встретила Родольфо.

Поведение Фернанды свидетельствовало лишь о том, что это мне уготовано выйти замуж за «золотого» мужа, а не ее дочерям. Судьба не была ко мне благосклонна, но иногда ее мелочность играла мне на руку.

Женщина остановилась прямо напротив меня. Ее бледные глаза в точности отражали глаза Родольфо, волосы были того же цвета, позолоченные солнцем и разметавшиеся от ветра. Она быстро окинула меня откровенным взглядом — от начищенных черных туфель, на которые быстро оседала пыль, до перчаток и шляпы.

— Ты рано, — заявила она. — Полагаю, это моя новоиспеченная сестра?

Я приоткрыла рот от удивления. Кто? Родольфо лишь однажды упомянул сестру, и то вскользь. Ее звали Хуана, и она была на несколько лет моложе самого Родольфо. Ему минуло двадцать восемь, и я предположила, что в таком возрасте Хуана, должно быть, уже замужем. Родольфо никогда не говорил о ней и Сан-Исидро вместе.

— Кажется, вы расстроились, — сказала Хуана, после того как Родольфо представил меня. Ее повеселевший тон показался мне наигранным. — Разве Родольфо не предупредил вас обо мне? — Губы у нее были сухие и тонкие — настолько тонкие, что привлекательными их было сложно назвать. Они полностью исчезали, когда Хуана говорила; а зубы цвета слоновой кости, яркие и ровные, напоминали клавиши пианино.

— Не переживайте, я обычно сама по себе. Не буду даже путаться под ногами. Я живу вон там. — Она выпятила острый подбородок, указав на низкие здания между домом и капеллой.

Хуана живет не в доме семьи?

— Почему? — выпалила я.

Лицо Хуаны изменилось, вернувшись к прежнему выражению.

— В это время года в доме ужасные сквозняки, — произнесла она негромко. — Не правда ли, Родольфо?

Родольфо, слегка напряженный на вид, все же согласился с сестрой и улыбнулся ей в ответ.

Он ее стыдится, осознала я с удивлением. Но почему? Конечно, Хуана выглядела необычно, но была в ней некая непосредственность, которая напоминала мне папу и строгость его манер. Как будто они оба обладали ненавязчивой, естественной властью — такой, которая заслуживает уважения слуг.

Я даже будто почувствовала, как воздух смещается к Хуане, к ее неоспоримой важности. И тогда мне стало ясно. Не Родольфо хозяин этого дома. А Хуана.

В груди заворочался страх; в ответ я сменила позу, расправив плечи, как это делал отец. Мне нечего было бояться. Асьенда принадлежала мне. Я вышла замуж за ее хозяина, а Хуана сама предпочла жить среди слуг. Мне стоило бы радоваться, что Родольфо так стыдится сестры, что едва говорит о ней. Она мне не угроза. Пусть остается в этом дворе, в покоях слуг. Домом буду управлять я. Это мои владения.

Подобные мысли утихомирили тревожное чувство в груди. Мы еще недолго поговорили с Хуаной и, оставив слуг работать, прошли через арочный проем на главный двор.

Родольфо дважды спрашивал, не желаю ли я остаться в столице, в старой квартире его семьи, отделанной в стиле барокко, но я отказалась. Мне нужен был дом. Я хотела забрать маму от тети Фернанды, привезти ее сюда и показать асьенду. Я хотела